

НАСЛЕДИЕ М.К. ПЕТРОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛИТИКИ

Бабинцев В.П.

НИУ «БелГУ», Белгород

Консолидация регионального сообщества как проблема управленческого выбора

В социальном пространстве России, характеризующемся сочетанием внешней упорядоченности, обеспеченной преимущественно методами административного управления, и внутренней неустойчивостью, определяющейся дефицитом разделяемых большинством населения ценностно-смысловых комплексов, становится исключительно актуальным вопрос о возможности консолидации различных социальных групп и сообществ.

Острота проблемы консолидации, несмотря на то, что довольно часто она рассматривается в исключительно метафизическом контексте (что вполне оправданно, если дискурс осуществляется на уровне философских и социологических концепций)¹, обусловлена рядом довольно прозаических причин. Прежде всего, следует учитывать нарастающую субкультурную дифференциацию различных социальных групп, особенно ярко проявляющуюся в сельской местности. Но главная причина этого не в том, что в городских условиях формирование различных, иногда трудно совместимых друг с другом субкультур идет в меньших масштабах. Просто в более традиционной сельской среде оно заметнее.

Субкультурная дифференциация в высоко конкурентной социальной среде, тем более, если для нее, как для России не характерно наличие опыта систематического применения технологий конфликтного медиаторинга, неизбежно ведут к обострению противоречий и стимулирует нарастание кризисных тенденций. При этом задача их регулирования все более сводится к поиску решений, которые предполагают субкультурные модификации.

В этой связи уместно привести вывод специалистов в сфере системного управления, которые утверждают: «Исследования в области культурной антропологии, исторической социологии и исторической психологии обнаружили системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социума. А именно: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурно-психологической регуляции необходимы для сохранения общества. Эта зависимость обозначена как *закон техногуманитарного баланса*»².

В данной связи перед административно-управленческими элитами российских регионов объективно встает проблема выбора стратегии³, позволяющей осуществить такие модификации, несмотря на то, что абсолютное большинство этих элит не способно понять суть данного вызова и изменить применяемые ими рутинные практики управления.

Ключевым звеном в формировании новой «культуроориентированной» стратегии должно стать повышение качества человеческих отношений, воплощающихся в высоком

¹ Именно так формулирует идею Патриарх РПЦ Кирилл: «Солидарное общество – это русский социальный идеал, также непосредственно связанный с христианским выбором князя Владимира. Как я уже говорил, это такое общество, в котором отношения взаимопомощи и сотрудничества стоят выше взаимной ревности и конкуренции. Это общество, в котором нет «лишних людей», нет обреченных и проклятых. Таков идеал, основанный на самой сути евангельского учения». См.: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Русский выбор // Российская газета. 2015. № 254 (6825). 11 ноября. С. 4.

² Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11 – 12 апреля 2013 г. М., 2014. С. 21.

³ Отметим в данной связи, что проблематика выбора в региональном развитии весьма занимала М.К. Петрова. См.: Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Ростов-на-Дону, 2003.

уровне институционального и межличностного доверия, ощущении социальной справедливости (при всей неоднозначности трактовки данного феномена), уверенности в собственной безопасности, дефицит которых ощущается на всех уровнях социальной организации.

В частности, в ходе мониторинга оценки эффективности деятельности органов власти и управления Белгородской области в 2009 году выяснилось, что 22% белгородцев убеждены в том, что в обществе стало меньше доверия; 33% – меньше справедливости; 31% – больше жестокости; 45% – больше безразличия. При этом 39% постоянно сталкиваются с безразличием по отношению к себе, 33% – с проявлениями лжи.

Мониторинг, проведенный в 2010 году, фактически подтвердил это. В ходе его 37% белгородцев заявили, что постоянно сталкиваются с проявлениями безразличия по отношению к себе.

Наконец, мониторинг «Роза качества» в 2011 году выявил: постоянно встречаются с проблемой несправедливости 39,00% респондентов; 17,55% враждебности, 30,63% лжи и 37,43% – безразличия к людям. Результаты мониторинга дают основание утверждать: в последние годы в обществе резко обострилась проблема социальной справедливости. С проявлениями несправедливости в настоящее время постоянно сталкиваются 40% белгородцев.

Особенно важно, что крайне негативно складываются отношения между властью и населением. Они вполне могут быть определены как отношения взаимного отчуждения и безразличия.

Мониторинг «Оценка эффективности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества», проведенный в сентябре – октябре 2015 года кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 1000 респондентов) показал, что в Белгородской области главам местного самоуправления городского округа (муниципального района) доверяют 31,7%, не доверяют 29,0%. Главам городского (сельского) поселения доверяют 35,6%, не доверяют 28,5%. Примечательно, что относительно низким доверием пользуются даже представительные органы местного самоуправления. Депутатам муниципальных советов, в частности, доверяют 31,1%, не доверяют 27,2% опрошенных. Членам Земских собраний доверяют 19,9%, не доверяют 23,7%.

В свою очередь, власть реагирует на это нежеланием принимать в расчет потребности и интересы граждан, зачастую лишь имитируя действия по решению жизненных проблем населения. Подобное отношение к «народу» характерно даже для наиболее близкой к нему муниципальной власти. Д.В. Давтян на основании комплекса исследований заключает: «Местная власть, как правило, в значительной степени «закрыта» и не способна оценить возможности реального гражданского контроля, активности граждан и содействовать их развитию. Деятельность органов местного самоуправления (особенно исполнительно-распорядительных) довольно часто направлена на решение двух основных задач – ограничить сферу влияния институтов гражданского общества и «встроить» их в рамки бюрократической системы посредством имитаций и манипуляций гражданской риторикой. Муниципальные власти, как правило, не предлагают местному сообществу ценностно-ориентированной стратегии развития»¹. В ситуации взаимного отчуждения, как между гражданами и многими социальными институтами, так и в самой массе населения, проблематичной становится идея консолидации, несмотря на ее очевидную востребованность.

Довольно часто она изначально отвергается на основе аргумента, что в высшей степени социально-дифференцированном обществе, где действуют группы не просто с различными, но противоположными интересами невозможно достичь единения. При этом

¹ Давтян Д.В. Реализация гражданского контроля в практике местного самоуправления. Диссертация ... канд. соц. наук. Белгород, 2015. С. 100.

солидарность, как основа консолидации, рассматривается в качестве показателя такого единства, что, по нашему мнению, некорректно в теоретическом отношении.

Безусловно, категория «солидарность» применяется в научных исследованиях и в практической политике для определения факта наличия у субъектов социального действия некоторой суммы общих диспозиций, ориентирующих их, по мысли М. Вебера рассчитывать «на определенные нормы, ожидаемое поведение участников действия и инструментальную рациональность»¹. Однако при таком подходе остается открытым вопрос о содержательном определении общности, к которой восходит феномен солидарности. Проблема в том, что для характеристики различных социальных общностей используются два понятия: «единство» и «целостность». В литературе и на практике они при анализе феномена солидарности нередко отождествляются. В частности, И.А. Исаев, характеризуя дезинтеграционные процессы, пишет: «Чтобы выжить, общество должно противопоставить этой наступающей стихии доступную ему организованность, используя для этого внешнюю силу принуждения, и, разумеется, главным объектом защиты в этой ситуации остается сама целостность, единство социального организма»².

Но данные категории не являются тождественными. Категория «единство» указывает на то, что различные элементы системы имеют тождественные характеристики и в силу этого связаны между собой. Категория «целостность» подчеркивает интегративную связь между нетождественными элементами. Очевидно, следует согласиться с Н.Т. Абрамовой, которая полагает, что единство, являясь только одним из аспектов целостности, отображает связь между объектами с общими свойствами, сторонами, в то время как целостность соединяет различные элементы

На основе данного исходного положения, мы рассматриваем солидарность, как установку общественного сознания, в качестве воспроизводства в нем в идеальной форме феномена целостности муниципального сообщества. При этом подчеркиваем, что целостность может не означать единства, но фиксировать лишь то обстоятельство, что функционирующие в его рамках социальные группы и индивиды, несмотря на присущие им различия, потенциально совместимы, особенно в тех случаях, когда речь идет о сохранении системы. В данной связи следует подчеркнуть, что, по мнению Бергсона, социальная сплоченность, в первую очередь, «связана с необходимостью для членов данного общества защищаться от других обществ, и прежде всего против всех других людей заключают союз и любят тех людей, с которыми вместе живут»³. Практическая реализация концепции консолидации регионального сообщества представляет собой попытку создать среду, в которой имеются большие возможности формирования и наращивания социального капитала за счет формирования культуры доверия.

А предпосылками такой культуры являются:

- нормативная согласованность, то есть непротиворечивость норм, регулирующих поведения людей (так, например, обычаи и традиции повседневного поведения не должны расходиться с правовыми нормами);
- стабильность социального порядка;
- прозрачность социальной организации, прежде всего, открытость системы управления для общественности;
- наличие у людей ощущения понятности окружающего мира (люди должны понимать цели развития общества и соглашаться с ними);
- подотчетность других людей и институтов в противовес произволу и безответственности.

Довольно очевидно, что реализовать эти задачи можно только при наличии политической воли не только у региональных элит, но и у большинства населения субъекта Российской Федерации.

¹ Weber M. *Economy and Society*. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley. Los Angeles. London, 1978. V. 2. P. 1376.

² Исаев И.А. *Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние*. М., 2013. С. 131.

³ Бергсон А. *Два источника морали и религии*. М., 1994. С. 33.

Сегодня мы имеем опыт, который позволяет определить, насколько реальна задача консолидации регионального сообщества. Речь о попытке осуществления Стратегии формирования солидарного общества в Белгородской области на 2011 – 2025 годы.

В основу Стратегии был положен ряд принципов:

- доверие, выражающееся в установке в межличностных и социальных взаимодействиях на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанной на позитивном опыте реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций;

- взаимное уважение, предполагающее, что граждане не только имеют представление о ценностях, смыслах и мотивах, лежащих в основе поведения каждого из них, но наделяют их значимостью, признают важными, заслуживающими внимания; не подвергают данные конструкции каким либо формам деструкции, разумеется, если эти феномены не антисоциальны;

- солидарность, представляющая собой деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единодушие с ними. Такое сочувствие может быть лишь результатом взаимного проникновения в базисные ценности и достижением баланса между ними;

- ответственность, которая выражается в готовности и способности человека взять обязательства перед согражданами и самим собой и выполнить их, невзирая на обстоятельства. Необходимо подчеркнуть, что дефицит ответственности является одной из самых острых проблем развития российского общества;

- субкультурная интеграция, предполагающая реальную, а не формальную принадлежность к коллективным образованиям, начиная с семьи и заканчивая этносом (этнической группой), опирающуюся на принятие культурных стандартов и стилей поведения. Реальностью настоящего является то, что включённость человека в те или иные социальные группы приобретает по преимуществу формальный характер и определяется внешними по отношению к диспозиции личности факторами (профессиональный статус, образование, место жительства). Граждане при этом крайне редко испытывают потребность содействовать социальному успеху своей общности, ее статусному продвижению. Личная зависть в значительной мере определяет взаимоотношения между людьми. Одновременно социальная группа и общество в целом мало заботится об отдельных гражданах, а в сложных (критических) ситуациях люди, независимо от их статуса, очень часто остаются без корпоративной поддержки и защиты. Субкультурная интеграция означает формирование прочных межличностных и групповых связей на качественно иной основе – достижение ценностно-смыслового единства;

- справедливость. Значение данного принципа исключительно велико в силу отчетливо выраженного в обществе запроса на справедливость, который отражает неудовлетворенность решения проблемы соотношения деяния и воздаяния в России.

Прежде всего, опыт показывает, что за прошедшие пять лет идея солидарного общества остается не актуализированной для большинства белгородцев.

Опрос, проведенный в 2015 году, выявил, что только 20,0% респондентов слышали о реализации Стратегии формирования солидарного общества на Белгородчине. И это на 20,6 п.п. меньше, чем в 2014 г. Одним из немногих позитивных сдвигов в сознании людей следует считать рост информированности о сущности социальной солидарности. В отличие от прошлогоднего замера, уже большая часть населения – 59,7% утверждает, что имеет представление о солидарном обществе. И, главное, представление о сущности солидарного общества стало более адекватным. Среди тех, кто имеет представление о солидарном обществе, 46,06% (29,2% от общего количества респондентов) убеждены – это общество, объединенное общими ценностями и взаимной ответственностью его граждан.

Таким образом, процесс реализации Стратегии является периферийным для массового сознания жителей области. При этом налицо утрата общественного интереса к

данной проблеме, который был хоть как-то сформирован на начальных этапах реализации Стратегии. И абсолютно ясно, что интерес утрачен как в широких слоях населения, так и среди представителей административного слоя.

Из числа тех, кто слышал о Стратегии, лишь 3,2% убеждены, что она реализуется вполне успешно, и 4,5% – в основном успешно. Остальные респонденты оценивают процесс реализации в той или иной мере негативно, либо затрудняются ответить на вопрос.

Еще сложнее складывается ситуация в системе власти. Суть проблемы в данном случае заключается в том, что идея консолидации может быть успешно реализована лишь при наличии адекватного ей организационно-технологического механизма. Изначально было ясно, что формирование такого механизма связано с решением крайне трудных задач. Региональные чиновники по традиции воспринимали их преимущественно как комплекс мер воспитательного характера, к тому же эти меры зачастую рассматривались в их чисто демонстрационном варианте – в виде проведения серии мероприятий (акций). Недостаточно сказать, что такой подход исчерпал себя. Важно понимать консолидационного выбора.

Речь должна идти об изменении отношений, которые складываются между основными акторами (активными субъектами социального действия) регионального сообщества – власти, бизнеса и населения.

В настоящее время диспозиция региональной власти – административно-дистрибуторская. Власть распределяет ресурсы, используя главным образом административные механизмы и имея при этом возможность «отщипнуть» от них солидный кусок для себя. Диспозиция бизнеса – эгоистически-потребительская. Бизнес ориентирован на получение прибыли, как правило, любой ценой, на накопление и проживание ресурсов. Диспозиция населения – пассивно-паразитическая. Большая часть населения не участвует в решении общих дел, лишена ресурсов и надеется «на халявный доход».

Реализация идеи консолидации предполагает, что диспозиция власти должна стать созидательно-партнерской (приоритетно не распределение ресурсов, но создание условий для их воспроизводства при взаимодействии с другими акторами); диспозиция бизнеса – социально ответственной; диспозиция населения – активно-трудовой.

Однако, как показал опыт субъекты регионального не готовы к подобному выбору. Их корпоративные интересы оказываются выше соображений более высокого уровня, что дает основание для негативного прогноза развития региональных сообществ.

Борисов С.Н.

БГИИК, г. Белгород

Античный номос и актуальные проблемы исследования насилия

Насилие является одним из самых навязчивых и парадоксальных феноменов человеческого существования. Оно сопровождает человечество с момента его появления по сей день, принимая различные обличья: от архаического набега и жертвоприношения до современных войн, террористических актов и «миротворческих акций».

Концепция античности М.К. Петрова, развиваемая им на протяжении всего его философско-культурологического творчества для нас является особенно ценной в его трактовках концептов «номос» и «номотетика». Ставя задачу реконструировать культурные парадигмы и философские образы насилия в контексте древнегреческой и древнеримской Античности, мы постоянно обращались к петровскому «нетривиальному» прочтению античных философских текстов, всегда имевших для древних греков и римлян сугубо «практопическое» значение*.

* «Утопию» из них сделали мы своим модернизаторским прочтением, против чего постоянно выступал и М.К. Петров